

ЭЛИЗАБЕТ И ЕЕ НЕМЕЦКИЙ САД

Элизабет фон Арним

автор «Колдовского апреля»

Элизабет фон Арним
Элизабет и её немецкий сад

Издательство "Livebook/Гаятри"

1898

УДК 82-3
ББК 84

фон Арним Э.

Элизабет и её немецкий сад / Э. фон Арним — Издательство "Livebook/Гаятри" , 1898

ISBN 978-5-907428-74-4

Атмосферная винтажная история конца XIX века. Дневник ироничной и наблюдательной леди, которая вышла замуж за немецкого аристократа и вполне счастливо живет с мужем в его родовом поместье. Элизабет заботится о семье, трех прекрасных дочерях, а также гостях дома, у которых такие разные ожидания от принимающих их хозяев. Однако самая большая радость Элизабет – роскошный цветочный сад. Сад – убежище от всех невзгод, сад – пространство для творчества, сад – место, где душа раскрывается навстречу природе. Дебютная полуавтобиографическая книга Элизабет фон Арним, вышедшая в 1898 году, моментально стала бестселлером и принесла писательнице славу. Полная любви, надежд и очаровательной наивности книга передает противоречивый, но все же преисполненный светом дух своего времени.

УДК 82-3
ББК 84

ISBN 978-5-907428-74-4

© фон Арним Э., 1898
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 1898

Содержание

Предисловие к изданию на русском языке	6
7 мая	9
10 мая	13
14 мая	15
15 мая	18
16 мая	19
3 июня	22
11 июля	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Элизабет фон Арним

Элизабет и её немецкий сад

Оформление обложки Анастасии Ивановой

В оформлении обложки использованы иллюстрации Boston Sunday Post (march 1916), iStock, Rawpixel, Engraving by Pierre-Joseph Redoute (1827).

В оформлении книги использованы иллюстрации iStock, Rawpixel, Engraving by Pierre-Joseph Redoute (1827).

© Наталия Рудницкая, перевод на русский язык, 2022

© Livebook Publishing Ltd, оформление, 2023

* * *

Предисловие к изданию на русском языке

9 февраля 1941 года в городе Чарльстон (штат Южная Каролина) скончалась Мэри Аннетт, графиня Рассел. Жители соседних домов еще в январе видели эту пожилую, но по-прежнему элегантную даму, прогуливающуюся по улицам в красивых платьях и костюмах, изысканных шляпках, в сопровождении своих родных и друзей. Она беззаветно любила жизнь, хорошие книги и сохранила даже в семидесятилетнем возрасте редкий дар любоваться окрестными полями и садами, наслаждаться дождями и ветром, туманами и солнцем. Догадывались ли жители городка, что эта невысокая приветливая женщина – знаменитая писательница? Об этом история умалчивает. И только некрологи в крупнейших газетах («Таймс», «Аргус») напомнили всем, что графиня Рассел была известна читателям во всем мире как Элизабет, автор популярного романа «Элизабет и ее немецкий сад» (1898). Некрологи содержали высокую оценку произведений, созданных на протяжении четырех десятилетий и отразивших, с незначительными вариациями, бесконечные странствия графини Рассел по странам и континентам, семейные драмы и конфликты, увлечения и разочарования.

Автор некролога в «Таймс» отмечал: «Все, что писала Элизабет, было пронизано ее необычайно живой и привлекательной натурой, бесконечным остроумием. Слова так легко лились из-под ее пера, что она могла творить практически где угодно, между делом. Безусловно, литературный успех доставлял ей удовольствие, но она была далека от славы, скорее, она избегала ее, отказывалась беседовать с репортерами и издавала все свои книги анонимно». Обозреватель Норман Лилей подчеркивал ту же особенность творческого пути графини Рассел: при жизни писательницы подлинное имя автора никогда не значилось на обложках, но фраза «от автора книги „Элизабет и ее немецкий сад“» выступала в качестве своеобразного опознавательного знака для всех почитателей ее таланта. И действительно, Элизабет фон Арним была одной из самых популярных писательниц первых десятилетий двадцатого века, ее книги продолжают переиздаваться на основных европейских языках и в наши дни.

Кто же она, таинственная Элизабет? Мэри Аннетт Бошан (так звали будущую писательницу) родилась в Сиднее, в последний летний день 1866 года, но впоследствии ее семья вернулась в Великобританию, на историческую родину отца. По его линии Мэри Аннетт приходилась кузиной Кэтрин Мэнсфилд, с которой она поддерживала дружеские отношения и чьим литературным талантом восхищалась. В 1889 году, когда Мэри совершала поездку по Европе со своим отцом, она познакомилась с немецким аристократом. Это был граф Геннинг Август фон Арним-Шлагентин. В 1891 году, после заключения брака, Мэри (которую уже тогда близкие называли Элизабет, по ее настоятельной просьбе) обосновалась на несколько лет в Германии. Она была хорошо образована, прекрасно начитана, но жизнь представительницы высшего света тяготила ее. Поворотным моментом стала поездка в загородное поместье супруга, Нассенхайд (Померания, в настоящее время – территория Польши), где Элизабет решила заняться садоводством и проводить все летние месяцы. Именно в Нассенхайде под влиянием новых впечатлений была написана первая книга «Элизабет и ее немецкий сад», вышедшая в издательстве «Макмиллан» в 1898 году. Вскоре были опубликованы «Одинокое лето» (1899), «Благодетельница» (1901) и другие произведения. Весной 1905 года в Нассенхайде пригласили писателей Э. М. Форстера и Хью Уолпола, которые выступили в роли наставников для детей фон Арним и оставили о своем пребывании в знаменитом саду и о его хозяйке довольно противоречивые, но интересные наблюдения.

После продажи Нассенхайда в 1908 году и последовавшей за этим смерти супруга, Элизабет фон Арним поселилась на несколько лет в Швейцарии, в поместье с названием «Солнечное шале». Место превратилось в центр притяжения для многочисленных друзей и родственников писательницы. Первая мировая война и смерть дочери оказали существенное

воздействие на мировоззрение Элизабет, и роман в письмах «Кристина» (1917), посвященный памяти дочери и насыщенный далеко не лестными комментариями в адрес немцев, был достаточно холодно воспринят публикой. Однако это был уже не первый роман, на страницах которого писательница сталкивала два мира, две национальности, исследуя возникающие конфликты и противоречия. Здесь мы также находим отражение ее личного неприятия немецкого уклада жизни, которое постоянно выталкивало ее из Германии в другие страны. Видны в тексте и попытки забыть о том, что она сама теперь принадлежит к одному из древних немецких родов. Эта тема пронизывает романы «Приключения Элизабет на острове Рюген» (1904), «Фройляйн Шмидт и мистер Анструтер: Письма независимой женщины» (1907), «Жена пастора» (1914).

В 1916 году фон Арним вышла замуж за Джона Франсиса Стенли, графа Рассела, но брак оказался крайне неудачным. В 1919 году супруги расстались, хотя официального развода не последовало. В последующие годы Элизабет активно путешествовала по разным странам (Италия, США), длительное время жила в Швейцарии (отголоски этих впечатлений мы находим в ее произведениях «В горах» (1920), «Колдовской апрель» (1922), и затем окончательно переехала к старшей дочери в США в 1939 году. В 1940 году выходит в свет ее последний роман «Мистер Скеффингтон», получивший высокую оценку критиков.

Творческое наследие Элизабет фон Арним отличается обширной палитрой жанров: романы-дневники или романы-воспоминания («Элизабет и её немецкий сад», «Одинокое лето», «Благотельница», «В горах»); путевые заметки («Приключение Элизабет на острове Рюген»); эпистолярные романы («Фройляйн Шмидт и мистер Анструтер: Письма независимой женщины», «Кристина»), эскапистский роман («Колдовской апрель»), психологический триллер («Вера»). Особое место занимает «Книга мелодий для младенца Апреля» – это произведение для детей. О романах Элизабет фон Арним критики писали: «Неизменный юмор и изысканное озорство придает им особое качество „перечитываемости“ („re-readable quality“), в них присутствует глубинная, настоящая мудрость, и в них говорится о тех вечных ценностях, которые ни мода, ни время не смогут изменить».

Элизабет фон Арним была не просто энциклопедически образованным человеком, по воспоминаниям дочери, Лесли де Шарм, на протяжении всей жизни она очень много читала, вновь и вновь возвращаясь к наиболее важным для нее авторам – Г. Д. Торо, М. Монтеню, Ч. Лэму. Кроме этого, она непременно брала с собой книгу всякий раз, когда отправлялась на прогулку, – любимые томики В. Вордсворта, Дж. Китса, И. Гете были всегда под рукой. Эта автобиографическая деталь отличает героинь многих ее произведений: они непременно стремятся выйти в сад, покинуть стены унылого дома, где ничто не дает пищи уму и фантазии, чтобы под сенью цветущих кустов или во время долгих прогулок по лесам и полям обрести утраченную гармонию.

Дебютный роман «Элизабет и её немецкий сад» (1898) открывает целую серию произведений, где прослеживается мысль о необходимости единения человека и природы, так как это позволяет почувствовать присутствие Бога. Красота пейзажей оказывает благоприятное воздействие на человека, способствует обретению внутренней гармонии, в чем и состоит цель любой прогулки. Тот же эффект дает и пребывание в саду. Цветы и деревья «принимают» человека таким, какой он есть, со всеми его слабостями и недостатками, в любом душевном состоянии, а он раскрывает в ответ свою истинную сущность.

Элизабет фон Арним называла «Колдовской апрель» (1922) своим любимым романом: в одном из писем она определила его настроение как «нежную мелодию флейты, которая звучит в тот день, когда вы одни». Сквозная для всего творчества писательницы тема бегства приобретает особое звучание: попытка найти счастье вдали от дождливой и холодной Англии, скрыться от проблем на острове в солнечной Италии объединяет четырех главных героинь романа. Истории миссис Уилкинз, миссис Арбатнот, миссис Фишер и леди Каролины Декс-

тер – это судьбы женщин разного возраста и жизненного опыта, которые вместе проводят месяц на острове Сан-Сальваторе и пытаются осознать собственные ошибки, найти ответы на волнующие их вопросы и начать все с чистого листа. Но так ли им всем нужны перемены или это только привиделось в лондонском тумане? Совершенное героями путешествие имеет как буквальный, так и метафорический смысл, и остров, чарующий ароматом глицинии, еще удивит своих гостей.

...На могиле писательницы выбита эпитафия «Parva sed apta» – «Маленькая, но подходящая». Юмор, искренность, любовь к деталям, умение увлечь за собой как в мир цветущих садов, так и в глубины человеческих переживаний, а главное – неповторимая легкость и свежесть, – вот что делает встречи с книгами писательницы поистине незабываемыми.

*Мария САМУЙЛОВА,
кандидат филологических наук,
исследователь творчества
Элизабет фон Арним*

7 мая

Я влюблена в мой сад. Пишу эти строки в чудесный предвечерний час, меня отвлекают комары и искушение просто наслаждаться сиянием свежей листвы, омытой недавним прохладным дождиком. Где-то неподалеку примостились две совы, чей длительный диалог доставляет мне не меньшее удовольствие, чем трели соловьев. Сова-джентльмен говорит, на что сова-леди со своего дерева отвечает в несколько иной тональности, при этом интонационно завершая и дополняя ремарку своего хозяина и господина, как и полагается должным образом воспитанной немецкой сове. Они так настойчиво твердят одно и то же, что я уверена: говорят они обо мне, и говорят что-то неприятное, но я не позволю совиному сарказму меня запугать.

Это скорее не сад, а чащоба. В доме, не говоря уж о саде, в последние двадцать пять лет никто не жил, и это такое прекрасное место, что я уверена: люди, которые могли бы здесь проживать, но предпочли ужасы городской квартиры, наверняка, как и большинство населяющих этот мир, обделены зрением и слухом. Носов у них тоже нет, как бы несимпатично это ни выглядело, – ведь мое ощущение весеннего счастья в немалой степени обязано запаху влажной земли и молодой листвы.

Я неизменно счастлива (на свежем воздухе, разумеется, потому что внутри дома – слуги и мебель), но счастлива по-разному, мое весеннее счастье никак не похоже на счастье летнее или осеннее, пусть оно и не сильнее, а прошлой зимой я, вопреки годам и наличию детей, танцевала от радости в скованном морозом саду. Однако, воздавая должное приличиям, танцевала за кустами.

Сколько же здесь черемухи! Ветви огромных деревьев клонятся к траве, черемуха сейчас в самом цвету, белые кисти, нежнейшая зелень – словно у сада свадьба. Я никогда не видела столько черемухи, она повсюду. Даже за ручьем, который огибает сад с восточного края, прямо посреди поля стоит огромное дерево, такое великолепное на фоне холодной голубизны весеннего неба.

Мой сад окружен полями и лугами, за ними – обширные песчаные пустоши и сосновый лес, а после леса снова пустоши; сам лес прекрасен и просторен – величавые розоватые стволы, над ними мягчайшие серо-зеленые кроны, у их подножья ярко-зеленый черничный ковер и не нарушаемая ничьим дыханием тишина; пустоши прекрасны тоже, потому что поверх них смотришь в вечность, а когда выходишь к ним и подставляешь лицо заходящему солнцу, кажется, будто стоишь перед самим Господом.

Посреди этой равнины находится мой оазис из черемухи и всякой прочей растительности, в котором я провожу счастливые дни, а посреди оазиса стоит серый каменный дом с несколькими фронтонами, в котором я провожу беспокойные ночи. Дом очень старый, к нему много раз что-то пристраивали. До Тридцатилетней войны¹ здесь был монастырь, а теперь сводчатая часовня, чей каменный пол отполирован коленями благочестивых крестьян, служит холлом. Густав Адольф² со своими шведами не единожды захватывал монастырь, что должным образом зафиксировано в архивных записях, ибо нашему дому случилось стоять как раз на дороге между Швецией и несчастным Бранденбургом. Лев Севера вне всяких сомнений был персоной достойной и в своих действиях руководствовался исключительно убеждениями, кои наверняка принесли немало горестей мирным монахиням, также не лишенным убеждений,

---

¹ *Тридцатилетняя война* – условное название ряда военных конфликтов в Священной Римской империи германской нации и Европе вообще, продолжавшихся с 1618 года по 1648 год и затронувших в той или иной степени практически все европейские страны. Война началась с религиозных столкновений между протестантами и католиками.

² *Густав II Адольф* – король Швеции (1611–1632), прозванный Львом Севера и Снежным королем.

ибо он отправил монахинь в чисто поле на поиски крова и существования, способных заменить их здешнее тишайшее бытие.

Почти из всех окон дома мне видна равнина, взгляд не встречает никаких препятствий вроде холма, устремляется к синей линии дальнего леса, а на западе – к заходящему солнцу, и здесь тоже нет ничего кроме зеленой равнины, резко обрывающейся в закате. Выходящие на запад окна нравятся мне больше всех, спальню себе я выбрала на этой стороне дома, чтобы не терять времени, даже когда меня причесывают, и горничная приучена к исполнению своих обязанностей – пока ее хозяйка возлежит в повернутом к открытому окну шезлонге – молча, дабы не осквернить болтовней этот прекрасный и торжественный час. Девушка скорбит о моей привычке практически жить в саду; с тех пор, как она начала работать у меня, все ее представления о жизни, которую надлежит вести respectable германской даме, пошли печальным прахом. Окружающие убеждены, что я, мягко говоря, весьма эксцентрична, потому что весть о том, что я провожу все дни на улице с книгой в руках и что ни один смертный ни разу не видел, чтобы я шила или готовила, распространилась повсеместно. Но зачем кашеварить, если имеется тот, кто для вас готовит? Что до шитья, то горничные способны подшивать простыни куда ловчее и быстрее, чем я, и вообще все виды художественной работы иглой – от лукавого, они нужны лишь чтобы уберечь глупышек от попыток обрести мудрость.

Мы были женаты уже пять лет, когда до нас дошло, что мы могли бы использовать это место как жилье. Пять лет были потрачены на прозябание в городской квартире, и все эти невыносимо долгие годы я была совершенно несчастлива и совершенно здорова, из-за чего время от времени меня посещает тревожная мысль, что мое здешнее счастье обязано скорее хорошему пищеварению, нежели саду. И пока мы там впустую тратили жизнь, здесь, в этом прекрасном месте, одуванчики атаковали двери, тропинки заросли и стерлись, зимой им было ужасно одиноко, потому что их не замечали даже северные ветры, а в мае – каждом мае из этих прекрасных пяти – некому было любоваться черемухой и еще более восхитительной сиренью, разрастающимся год от года диким виноградом, пока в октябре все крыши не покрывались его кровавокрасными стеблями, совами и белками и всеми божьими птицами, а в доме не было ни единого живого существа, кроме змей, которые в эти глухие годы обрели привычку заползать по стенам в комнаты на южной стороне, когда старая экономка открывала там окна. Покой, счастье, разумная жизнь – все было здесь, а мне и в голову не приходило сюда переселиться. Оглядываясь назад, я поражаюсь и не могу найти объяснения собственной медлительности: ну почему я раньше не обнаружила, что тут, в этом дальнем углу, находится мой рай земной? Невероятно, но я даже не думала использовать это место как летний дом, вместо этого каждый год на несколько недель отправляясь к морю со всеми ужасами тамошнего обитания, пока наконец в прошлом году, приехав ранней весной на открытие деревенской школы и прогуливаясь в еще голом и совершенно пустом саду, не обнаружила, что запах сырой земли и гниющих листьев вернул меня в детство, в счастливые проведенные в саду дни. Смогу ли я когда-нибудь забыть этот день? Он стал началом моей настоящей жизни, моего обретения зрелости, днем, когда я ступила в мое царство. Начало марта, серые безмолвные небеса, бурая безмолвная земля, влажная, еще лишенная листьев тишина полна печали и одиночества, а я чувствую тот же чистый восторг первого дыхания весны, который чувствовала в детстве, и пять впустую потраченных лет спадают с меня, словно поношенное платье; мир полон надежд, я приношу клятву природе, отдаю себя ей – с тех пор я счастлива здесь.

Моя вторая половина – человек снисходительный, к тому же, вполне вероятно, он подумал, что было бы неплохо кому-то присматривать за работами по дому, в котором – по крайней мере, временно, – мы будем жить, за чем последовали шесть недель – с конца апреля по июнь – полных особенного блаженства, когда я была здесь совсем одна: предполагалось, что я буду надзирать за покраской и поклейкой обоев, но на деле я появлялась в доме только после того, как из него уходили рабочие.

Какая же я была счастливая! Я не помнила времени, полного такого совершенного покоя, с тех пор когда была еще слишком маленькой, чтобы делать уроки, и меня, выдав в одиннадцать часов кусок хлеба с маслом и сахаром, оставляли на заросшей одуванчиками и маргаритками лужайке. Хлеб с маслом и сахаром дано утратил свою привлекательность, но с тех пор я еще сильнее полюбила одуванчики и маргаритки, и никогда бы не позволила проходить по ним газонокосилкой, если б не знала, что спустя день-два они снова поднимут свои мордашки и будут выглядеть еще веселее и нахальнее, чем прежде. Все эти шесть недель я жила в мире одуванчиков и восторга. Одуванчики покрывали все три газона – точнее, это когда-то были газоны, теперь они превратились в луга, заросшие самыми разными чудесными травами, а под еще лишенными листья дубами и буками показались голубые печеночницы, белые анемоны, фиалки и листики чистотела. Меня особенно радовала ясная, счастливая яркость чистотела: он был такой аккуратный, такой новенький, как будто над ним тоже потрудились маляры. Потом, когда сошли анемоны, появились редкие барвинки и купены, и вдруг – словно взрыв! – расцвела черемуха. А затем, когда я уже привыкла к виду соцветий черемухи на фоне неба, распустилась сирень – огромное количество сирени, она группами по несколько кустов стояла среди травы, вперемешку с другими кустами и деревьями росла вдоль дорожек, береговой линией длиной в полмили, что начиналась от западной стороны дома, торжествовала на фоне темных елей. А перед тем, как закончилось время сирени, началось время акаций, под южными окнами расцвели четыре огромных куста серебристо-розовых пионов, и я была абсолютно счастлива, и благословенна Господом, и благодарна, и признательна, и – я не могу на самом деле описать то, что я чувствовала. Мои дни проплывали в розово-лиловой мечте.

Со мною в доме жили только старая домоправительница и ее помощница, поэтому, оправдываясь тем, что я не хочу доставлять им лишних хлопот, я существовала на том, что моя вторая половина называет *fantaisie déréglée*³ – то есть на пище настолько простой, чтобы ее можно было отнести на подносе к кустам сирени, так что я, насколько мне помнится, жила все это время на салате, хлебе и чае, иногда на ленч старая домоправительница все же подавала крохотного голубя, дабы спасти меня от голодной смерти. Кто, кроме женщины, может выдержать шесть недель на салате, пусть даже этот салат освящен ароматом восхитительных куп сирени? Я выдержала, и с каждым днем моя благодать возрастала, хотя с тех пор салат мне разонравился. Как часто теперь, угнетенная необходимостью трижды в день ассистировать приему пищи в столовой – при этом в двух трапезах обязательно должны наличествовать мясные блюда, ибо иначе пострадает честь семьи – как часто теперь я вспоминаю о своих салатных днях, числом сорок, и о том благословенном времени, когда была здесь совсем одна!

По вечерам, когда уходили рабочие и дом оставался в распоряжении пустоты и эха, а старая домоправительница, подготовив мою комнатку в другом конце дома, укладывала свои замученные ревматизмом ноги в постель, я неохотно покидала своих друзей – лягушек и сов – и с замирающим сердцем запирала ведущую в сад дверь, и через длинную вереницу пустых комнат на южной стороне, в которых были только тени, эхо моих шагов, оставленные малярами стремянки и похожие на привидения груды малярного материала, намеренно медленно, напевая себе под нос, чтоб было не так страшно, шагала по каменным полам холла, поднималась по скрипучим ступенькам, шла длинным белым коридором, и, поддавшись наконец панике, проскальзывала в свою комнату и на два замка и засов запирала дверь!

Звонков в доме не было, и я завела обычай брать с собой в постель большой колокол, которым созывали к обеду, чтобы, если испугаюсь в ночи, наделать как можно больше шума, хотя какой в том был смысл – не знаю, потому что услышать меня было некому. Горничная спала в маленькой келье без двери рядом с моей спальней, и в огромном пустом западном крыле мы были единственными живыми существами. Она явно не верила в существо-

³ *Fantaisie déréglée* (фр.) – здесь: необузданные фантазии.

вание привидений, поскольку мне было слышно, что она засыпала сразу же, как добиралась до постели, я в привидения тоже не верю, но, как сказала одна французская дама, которая, судя по ее произведениям, была весьма здравомыслящей, «*mais je les redoute*»⁴.

Обеденный колокол как-то утешал: мне не приходилось в него звонить, но его присутствие на стуле возле кровати успокаивало меня, хотя мои ночи вряд ли можно было бы назвать мирными – отовсюду слышались странные звуки, шорохи и все такое прочее. Я часами лежала без сна, прислушиваясь к невозмутимому храпу горничной, а если и случалось задремать, меня тут же будил скрип какой-нибудь доски. По утрам, конечно же, я была смела аки лев и сама поражалась собственным ночным страхам, а теперь даже те ночи, когда я, подобно сказочным мальчикам, слышала в каждом дуновении ветра голоса и лелеяла свои страхи, кажутся мне восхитительными. Я бы с радостью снова дрожала по ночам ради того, чтобы вернуться в прекрасную пустоту дома, без слуг и обивки.

Как прекрасно смотрелись спальни, совершенно пустые, разве только с новыми веселыми обоями! Порой я заходила в те из них, которые уже были отделаны, и строила всевозможные воздушные замки, воображала их прошлое и будущее. Узнали бы монахини свои когда-то беленые кельи в этих комнатах, оклеенных обоями с радостным цветочным рисунком, со свежей белой краской? И как удивились бы они, увидев, что келья № 14 превратилась в ванную комнату с ванной достаточно большой, чтобы обеспечить чистоту тела, равную чистоте их душ! Они бы смотрели на ванну как на ловушку искусителя, они испытали бы такой же шок, как испытала я, увидев грязь под своими ногтями в день, когда я утратила чистоту своей души – произошло это в пятнадцать лет, когда я влюбилась в нашего церковного органиста или, скорее, в промельк стихаря, римского носа и пышных усов, поскольку моему взору было доступно только это, и его черты я любила до беспамятства целых полгода, пока как-то раз, гуляя с гувернанткой, не встретила его на улице и не обнаружила, что его «неофициальное» облачение состоит из фрака, сопровождаемого отложным воротничком, и шляпы-котелка, и в тот же миг разлюбила его навсегда.

Первый этап этого благословенного времени был само совершенство, поскольку я не думала ни о чем, кроме как о царящих вокруг покое и красоте. А потом вдруг возник он, тот, который имеет право возникать когда и где ему пожелается, и выбрал меня за то, что я не писала, а когда я сказала ему, что слишком счастлива, чтобы писать, он, похоже, оскорбился мыслью о том, что я могу быть счастлива в одиночестве. Я провела его по саду, по новым протоптанным мною тропинкам, показала ему акацию и сирень в цвету, и он заявил, что это чистейший эгоизм – наслаждаться в отсутствие его и отпрысков, и что сирень следует хорошенько обрезать. Я попыталась ублажить его ужином из салата и тоста, поднос с которым уже поджидал меня на ступеньках маленькой веранды, но ничто не могло ублажить Пылающего Гневом Праведным, и он объявил, что возвращается к покинутой мною семье. И уехал, а оставшееся драгоценное время было омрачено муками совести (коим я особенно подвержена) именно в те моменты, когда я была готова скакать от радости. Каждый раз, когда ноги несли меня в сад, я заставляла себя идти смотреть, как трудятся маляры, я усердно шагала по коридорам, я за один день высказала критических замечаний, сделала предложений и отдала приказов больше, чем за всю предыдущую жизнь, я регулярно писала письма и передавала приветы, но не могла при этом сдерживать досаду. Ну что поделаешь, если на самом деле и совесть чиста, и печень в порядке, и солнышко светит?

⁴ «*Mais je les redoute*» (фр.) – «Я их боюсь».

10 мая

В прошлом году я ничего о садоводстве не знала, и в этом году знаю не многим больше, но кое-что уже начинаю понимать, по крайней мере, я совершила один огромный шаг – от ипомей⁵ к чайным розам⁶.

Сад одичал совсем. Он окружал дом, но основная его часть, совершенно очевидно, всегда располагалась на южной стороне. Южная часть дома – одноэтажная, комнаты в ней расположены анфиладой, а стены заросли диким виноградом. В центре – маленькая веранда с шаткими деревянными ступеньками, ведущими к единственному участку, за которым хоть как-то когда-то следили. Это врезанный в газон полукруг с бирючиной по краю, полукруг разделен кустами самшита на одиннадцать клумб разного размера, с солнечными часами в центре, солнечные часы почтенного возраста и покрыты мхом и мною весьма любимы. Клумбы были единственным напоминанием о чьих-то садоводческих усилиях (за исключением крокусов, которые каждую весну то тут, то там лезли из травы, причем делали это не потому, что им хотелось, а потому что просто удержаться не могли), и эти клумбы – все одиннадцать – я засеяла ипомеей, вычитав в какой-то немецкой книжке по садоводству, что ипомея в изрядных количествах – единственный способ превратить самую чудовищную пустыню в рай земной. Никакие другие рекомендации в этой книге не отличались таким же красноречием, и будучи полной невеждой относительно того, сколько требуется семян, я купила десять фунтов и засеяла ипомеей не только одиннадцать клумб, но и щедро посыпала ими землю вокруг чуть ли не каждого дерева, после чего принялась в волнении великом ожидать своего рая. Рай не получился, и это был первый усвоенный мною урок.

К счастью, я посеяла две больших грядки душистого горошка, и он радовал меня все лето, были еще подсолнухи и несколько кустов мальвы под южными окнами, среди которых росли белые лилии. Но после того как я рассадила лилии, они куда-то исчезли – откуда ж мне было знать, что у лилий обычай таков? А мальвы оказались довольно противных расцветок, так что мое первое лето было украшено исключительно душистым горошком. В данный момент мы только выдохнули после суеты с разбивкой новых цветников, устройством бордюров и прокладкой троп – спешили уложиться к началу лета. Одиннадцать клумб вокруг солнечных часов полны роз, хотя я уже сейчас вижу, что с некоторыми из них наделала ошибок. Но поскольку мне не приходится отчитываться или совещаться по этому поводу ни с одной живой душой – впрочем, как и по любому иному поводу, – доступный мне путь познания лежит через ошибки. Поначалу я задумала засадить их все анютиными глазками, но рассады не хватало, а купить еще было не у кого, так что анютины глазки были только на шести клумбах, а остальные я засеяла резедой. Теперь на двух клумбах растут розы сорта *Мари Ван-Гутт*, на двух – *Виконтесса Фолкстоун*, на двух – *Лоретт Мессими*, одна занята *Сувениром Мальмезона*, на одной – розы *Адама* и *Девонширские*, на двух – *Персидские Желтые* и *Двуцветные*, и на одной большой клумбе за солнечными часами – три сорта красных роз (всего семьдесят два куста): *Герцог Текский*, *Чесхант Скарлет* и *Лимбургские*. Я уверена, что эта клумба устроена неправильно, и некоторые другие тоже, но мне следует подождать и убедиться своими глазами, поскольку я совсем не знаток. Еще у меня две длинных клумбы по бокам полукруга, каждая засеяна резедой, и на одной растут розы *Мари Ван-Гутт*, а на другой – *Жюль Фингер* и *Невеста*; в теплом

---

⁵ *Ипомея* – род цветковых растений семейства вьюнковые.

⁶ *Чайные* или *чайно-гибридные розы* – вид сортов роз. Точных данных о происхождении вида не существует, в Европу растения были завезены из Китая в конце XVIII или в начале XIX века. Современные ученые считают, что это были экземпляры культурных гибридных сортов, выведенных на основе китайской розы (*Rosa chinensis*) в Восточной и Юго-Восточной Азии. Окраска различная, от чисто белой до желтой и красной с разными оттенками.

углу под окнами гостиной высажены *Мадам Ламбар*, *Мадам де Ватвиль* и *Герцогиня Рица дю Парк*, а дальше в саду, укрытые с севера и запада буками и сиренью, на большой клумбе растут *Рубенс*, *Мадам Жозеф Шварц* и *Достопочтенная Эдит Гиффорд*. Все это розы карликовые, во всем саду у меня только два куста стандартной высоты – две *Мадам Жорж Бриан*, и они смотрятся как метелки! Я жду не дождусь, когда наконец раскроются бутоны! Никогда в жизни я еще не ждала чего-то с такой страстью, я каждый день обхожу свои владения, восхищаясь успехами, которые за сутки добиваются эти создания, – каждым новым листиком или крохотным побегом.

Под южными окнами, узким бордюром на верхушке покрытого травой склона, по-прежнему расположились мальвы и лилии (теперь они цветут), а у подножия склона, перед розами, я посеяла два длинных бордюра душистого горошка, так что розы мои до самой осени, когда приходит пора находить место для новых розовых кустов, имеют возможность наслаждаться зрелищем столь же прекрасным, как и они сами. Дорожка, идущая от полукружья вглубь сада, обсажена *Китайскими* розами, белыми и розовыми, кое-где перемежаемыми *Персидскими Желтыми*. По-хорошему, все здесь надо было засадить чайными розами, потому что *Китайские* такие очаровательно мелкие, а *Персидские Желтые*, судя по всему, разрастутся большими кустами.

Ни одна живая душа в этой части света не в состоянии понять, с каким замиранием сердца я жду их цветения, потому что все немецкие книги по садоводству приговорили чайные розы к пожизненному заключению в оранжереях, где они лишены малейшего намека на божий свежий воздух. Несомненно, я должна благодарить собственное невежество за то, что посмела вторгнуться туда, куда тевтонские ангелы и ступить-то боятся, и заставила мои чайные розы противостоят северному ветру, но они противостояли ему, укрытые хвойным лапником и листьями, и ни одна не пострадала: сегодня они выглядят такими же счастливыми и решительными, как, я уверена, розы во всей остальной Европе.

14 мая

Сегодня пишу на веранде в окружении трех детишек, более назойливых, чем вьющиеся вокруг комары, и уже некоторые из тридцати пальчиков побывали в чернильнице, и мне пришлось утешать их обладательниц, когда долг указывал не утешать, а упрекать. Но кто посмеет упрекать эти раскаявшиеся и поникшие панамки? А перед моими глазами мелькали лишь панамки, да фартучки, да шустрые грязнущие ножки.

Эта троица, их терпеливая няня, я сама, садовник и помощник садовника – вот и все, кто бывает в моем саду, зато мы отсюда практически не выходим. Садовник работает здесь уже год и в первых числах каждого месяца предупреждает об уходе, но до сих пор мне удавалось уговорить его остаться. Первого числа он, как обычно, объявил, что в июне уйдет, на лице его была написана решимость, которую ничто поколебать не в силах. Не думаю, что он так уж хорошо разбирается в садоводстве, но по крайней мере он копает и поливает, и некоторые из посеянных им семян взошли, а кое-что из высаженного принялось и растет, кроме того, он самый усердный из всех известных мне людей, и одно из его величайших достоинств состоит в том, что ему совершенно все равно, чем мы там в саду занимаемся. Так что я снова постаралась уговорить его – откуда мне знать, кто придет ему на смену? – а на вопрос, что ему не нравится и на что он жалуется, он ответил: «Ни на что». Я могу лишь предположить, что он недоволен именно мною, поскольку я предпочитаю, чтобы растения высаживались группами, а ему нравится, чтобы они росли в линию. К тому же ему, наверное, не нравится, что всякий раз, когда он сажает или сеет что-то новенькое, я зачитываю ему соответствующие отрывки из книг по садоводству. Поскольку я совершенно невежественна, то подумала, что так будет проще – объяснить-то я ничего не могу, поэтому прихожу к нему с книгами, дабы он мог припасть к первоисточнику мудрости, и, пока он работает, щедро проливаю на него эту мудрость. Допускаю, это может раздражать, и смелость мне придает лишь беспокойство по поводу того, что из-за какой-нибудь нелепой ошибки будет потерян целый год. Иногда, прикрывшись книгой, я смеюсь над его разгневанной физиономией – жаль, что никто не может сфотографировать нас в эти моменты, чтобы через двадцать лет, когда мой сад превратится в истинную обитель прекрасного, а я постигну все тонкости, вспоминать о блаженстве первых побед и провалов.

Весь апрель он пересаживал посеянные осенью многолетники, весь апрель ходил с мотком бечевки, размечая на бордюрах восхитительно прямые линии и выстраивая бедные растения ровнехонько, как солдат на плацу. Как-то раз я весь день была в отлучке, и он без меня устроил два длинных бордюра, а когда я объяснила, что хотела бы, чтобы в третьем растения были высажены группами, а не в ряд, чтобы добиться эффекта естественности, без этих неукоснительно равных промежутков, лицо его выражало еще большую тоску и безнадежность, чем прежде, и когда я потом пришла взглянуть на результат, то обнаружила, что он устроил два длинных бордюра по сторонам прямой дорожки, на которых через равные промежутки высадил группами по пять штук сначала пять гвоздик, потом пять ночных фиалок, потом снова пять гвоздик, пять ночных фиалок, и так далее – до самого конца повторялись группы по пять растений разных видов и размеров. Когда я попыталась возразить, он заявил, что всего лишь выполнял мои указания, хотя заранее знал, что это будет выглядеть плохо, так что я сдалась, и все остальные бордюры он соорудил по образцу двух первых, а я набралась терпения и принялась ждать, как они будут смотреться летом – перед тем, как снова все перекопать: неопитам пристало смирение.

Если б только я могла копать и сажать сама! Насколько бы проще, не говоря уж о том, насколько увлекательнее было бы выкапывать ямки там, где считаешь нужным, и высаживать в них то, что считаешь нужным, вместо того, чтобы отдавать указания, которые забываются в ту же минуту, когда отходишь от размеченных бечевкой линий! В первых восторгах облада-

ния собственным садом, горя нетерпением увидеть наконец, как прежде заброшенное место расцветет пышным цветом, я в теплый воскресный денек прошлого апреля, воспользовавшись выходным у садовника и тем, что у слуг был перерыв на обед, – двойная страховка! – прокралась в сад с лопатой и граблями и лихорадочно вскопала небольшой клочок земли, разровняла его и посеяла незаконную ипомею, после чего, вспотев и терзаясь чувством вины, вернулась в дом, плюхнулась в кресло и, прикрывшись книгой, постаралась выглядеть совершенно праздной особой – еле успела, а то бы моей репутации пришел конец. Но почему, почему? Да потому, что это, видите ли, неэлегантно, от этого потеют, но это благороднейшая, Богом благословенная работа, и если бы Еве в раю дали лопату и она б знала, как с нею обращаться, нам бы не пришлось расплачиваться за эту досадную историю с яблоком.

Какая же я счастливица, что живу в саду, с моими книгами, детьми, птицами и цветами и массой свободного времени, чтобы всем этим наслаждаться! При этом мои городские знакомые смотрят на мое существование как на тюремное заключение, считают, что я себя здесь похоронила, и что-то там еще такое думают, они возопили бы от ужаса, если б их обрекли на такую жизнь. Порой я думаю, что Господь благословил меня среди всех людей, если я смогла так легко обрести счастье. Я верю, что мне всегда будет хорошо, когда светит солнце, даже в Сибири – в погожие дни. И какие радости может предложить мне городская жизнь, разве могут они сравниться с восторгом, который дарит мне любой из этих тихих вечеров, когда я сижу в одиночестве на нижней ступеньке веранды, окутанная ароматом молодой листвы, когда над буками поднимается майская луна, а тишина кажется еще более мирной и прекрасной, потому что ее нарушают лишь далекое кваканье лягушек да уханье сов? Майский жук прожужжал возле уха, и я вздрогнула – отчасти от предвкушения лета, отчасти от страха, что он запутается в прическе. Разгневанный сказал, что эти жуки – зловредные создания, и их следует уничтожать. Ну, надо так надо, но я бы предпочла отложить убийства на конец лета и не лишать их пребывания в таком замечательном мире, да еще и в самом начале веселья.

Этот день был полон событий. Моей старшей малышке, рожденной в апреле, пять лет, младшей, рожденной в июне – три, путем вычислений любой способен догадаться, сколько лет средней, которая родилась в середине мая. Пока я хлопочу над мальвами, посаженными на вершине того, что в этом саду хоть чем-то напоминает возвышенность, Апрельская детка, до того сидевшая вполне спокойно на чурбачке, вдруг вскакивает и принимается носиться кругом, вопя и в ужасе размахивая руками. Я выкатила глаза, не понимая, что такое на нее нашло, а потом увидела, что целая армия коров, пасшихся на соседнем поле, прорвалась сквозь изгородь и жует траву в опасной близости от моих роз и прочих драгоценностей. Нам с няней удалось их изгнать, но они все-таки успели жесточайшим образом вытоптать бордюр из гвоздик и лилий, учинить прорехи в клумбе с китайскими розами, и даже сжевать честь клематисов Джекмана, которые я все пыталась уговорить карабкаться по стволам деревьев. Наш мрачный садовник в этот день сказался больным, помощник его был на вечерне – так немецкие лютеране именуют послеполуденный чай или что-то в этом роде, – так что няня, как могла, сама присыпала землей прорехи в розах, прикрыв измордованные кусты, которым уже больше не восстать к летней славе, а я стояла и уныло смотрела на все это. Моя Июньская детка, от горшка два вершка и отважная не по росту и не по годам, схватила палку больше себя самой и отправилась к коровам, поскольку пастуха нигде не наблюдалось. Она встала перед коровами, потрясая своей палкой, а они выстроились в ряд и глазели на нее в великом изумлении, так она и сдерживала их, пока с фермы не прибежал один из работников с кнутом в руках и не выпорол хорошенько спавшего в тенечке пастуха. Пастух – огромный молодой увалень, куда крупнее того, кто его порол, – никоим образом не возражал против наказания, воспринимая его как часть работы. Вряд ли наказание было таким уж болезненным, ибо он был в кожаных штанах, да и, по моему мнению, он это заслужил, но все же до какой степени деморализующей должна быть эта работа – присматривать за коровами – для человека молодого и умом не блещущего.

Такая работа годится лишь поэтам с их богатым воображением, всем остальным соглашаться на нее не стоит.

Остальные встретили нас с Июньской деткой такими горячими объятиями, словно мы избавили их от великих бедствий, а потом, во время чаепития под буком, я глянула наверх, в зеленую листву, и вдруг на ветке прямо у себя над головой увидела совенка. Я влезла на стул и легко его поймала, потому что он еще не умел летать; непонятно, каким образом он оказался на ветке. Шарик серого пуха с очаровательной, мудрой, серьезной мордочкой. Бедняжка! Мне следовало отпустить птенца, но искушение показать его Разгневанному, который должен был приехать и уже находился в пути, было непреодолимым, потому что Разгневанный часто говорил, что хотел бы попытаться приручить молодую сову. Так что я поместила совенка в просторную клетку и подвесила на ту ветку, на которой он сидел и которая наверняка была неподалеку от родного гнезда и мамы-совы. Только мы возобновили чаепитие, как я заметила в молодой траве еще два серых пушистых шарика, похожих на нарытые кротами кочки. Они были тотчас же помещены к своему сородичу в клетку, и я уже предвкушала появление Разгневанного – его встретит не только надлежащим образом обрадованная супруга, но и три вождельных совенка. Но мне все же было жалко разлучать их с матерью, и я решила про себя, что когда-нибудь – возможно, в тот же день, когда Разгневанный снова отправится в поездку, – я их отпущу. Я поставила в клетку мисочку с водой, хотя вряд ли они когда-либо пили воду, разве только дождевые капли с листьев бука. Наверное, они получают всю необходимую для их телец жидкость из мышей и прочих деликатесов, которые приносят им заботливые родители. Но мысль о дождевых каплях мне симпатичнее.

15 мая

Как же жестоко было с моей стороны запереть бедных совят в клетке даже на одну ночь! Не могу себе простить, и больше никогда не пойду на поводу желаний Разгневанного. Утром я встала пораньше и поспешила посмотреть, как там мои питомцы, и обнаружила, что дверца клетки открыта, а совят в ней нет. Я предположила, что кто-то их украл – может, деревенский мальчишка или наказанный пастух. Но, оглядевшись, увидела, что один совенок сидит высоко на ветке, а второй, к ужасу моему, валяется мертвый на земле. Третьего я найти не смогла – возможно, он в полной безопасности в гнезде. Родители наверняка пытались сломать прутья, пока клетка случайно не открылась, а потом отнесли малышей на дерево. Погибшего, наверное, сдуло ветром с ветки – ночью был сильный ветер, – он упал и сломал шею. Из-за моей ошибки на одну счастливую невинную жизнь в саду стало меньше, а день такой чудесный, такой теплый, погода как раз для того, чтобы растить и радовать малышей. Дети ужасно расстроены, копают могилку и плетут из одуванчиков погребальные венки.

Как раз когда я писала эти слова, послышался шум, означавший, что кое-кто приехал, я выбежала навстречу и, задыхаясь от волнения, поведала Разгневанному о совах, которыми ему так хотелось обзавестись, и как мне жаль, что ничего не получилось, и как ужасно, что один совенок умер, и все такое прочее – в типично женской сбивчивой манере.

Он терпеливо дожидался, пока я на мгновение умолкну, чтобы глотнуть воздуха, и сказал:

– Я поражен такой жестокостью. Как ты могла заставить сову-мать так страдать? Она же тебе ничего плохого не сделала.

Из-за чего я выскочила из дома в сад, еще более убежденная в правоте того, кто написал:
«Нет, не для смертных рай двойной...»⁷

---

⁷ Строка из стихотворения «Сад» английского поэта Эндрю Марвелла (1621–1678) в переводе Г. Кружкова.

16 мая

Убежища и кровя я ищю в саду, не в доме. В доме все подчиняется досадному долгу – я должна присматривать за слугами и отдавать распоряжения, все забота на заботе – то мебель, то еда, а здесь меня обступает блаженство – и здесь я прошю прощения за все недоброе, что во мне есть, за ужасные эгоистичные мысли; здесь мои грехи и глупости прощаются, здесь я чувствую себя под защитой, я по-настоящему дома, и каждый цветок и росток – мой друг, а каждое дерево – возлюбленный. Когда мне плохо, когда я растеряна, я удираю к ним в поисках утешения, когда меня охватывает беспричинная злость, я убегаю сюда и обретаю равновесие. Разве кто-то из женщин может похвалиться таким количеством друзей? И они всегда мне рады, готовы встретить меня и наполнить радостными мыслями. Счастливые дети нашего общего Отца, могу ли я, их сестра, быть менее смиренной и радостной, нежели они? Даже когда случается буря, ураган, когда все стремятся укрыться в доме, я выбегаю из-под крыши. Бури мне не по душе – они пугают меня, и задолго до того, как начнутся, потому что я всегда чувствую их приближение, и странно, что я ищю укрытия в саду. Но мне и правда здесь лучше, я чувствую, что обо мне заботятся, меня ласкают. Когда начинается гроза, Апрельская детка говорит: «Это *Lieber Gott* снова бранит своих ангелов». А когда гроза разразилась ночью, она пожаловалась: ну почему *Lieber Gott* не бранит ангелов днем, ей же так хочется спать! Все три говорят на восхитительной смеси немецкого и английского, нарушая чистоту своего родного языка английскими словечками, они вставляют их в немецкие фразы. Это всегда напоминает мне о Справедливости, сдерживаемой Милосердием⁸. Сегодня мы собирали калужницу в лесочке, носящем гордое имя Хиршвальд⁹, потому что здесь осенними вечерами сражается бесчисленное множество оленей, они вызывают друг друга на бой ревом, который пронзает тишину и от которого у одинокого слушателя бегут по спине мурашки. Я часто гуляю здесь в сентябре и, зачарованная их грозными криками, до позднего вечера сижу на поваленном дереве.

Мы сидели на траве и делали из калужницы шары. Детки такого еще никогда не видели, они и представить себе не могли ничего и вполонину прекрасного. Хиршвальд – это небольшая березовая роща, под ногами пружинит дерн, пестреющий цветами, тут есть приветливый ручеек, берега которого в июне зарастают желтыми ирисами. Я мечтаю поставить здесь маленький домик, с маргаритками, которые подступали бы к самым дверям, и чтоб никакой тропинки – домик, вмещающий лишь меня и какую-то одну из деток, и чтобы стены были увиты лиловым клематисом. Две комнаты – спальня и кухня. Как страшно нам было бы здесь по ночам, и как счастливы были бы мы днем! Я точно знаю, где его надо поставить, фасадом на юго-восток, чтобы мы могли владеть всеми радостями утра, и поближе к ручью, чтобы мы могли мыть посуду, раздвигая ирисы. Иногда, когда мы будем в настроении насладиться общением, мы бы приглашали на чай остальных деток и угощали бы их земляникой на тарелках из листьев конского каштана; и никто менее невинный, никто, кому не было бы так легко доставить радость, никто кроме детей не допускался бы в наш солнечный домик, чтобы не омрачить его сияние, – да на самом-то деле, полагаю, никто более разумный сюда бы и не подумал явиться. Людям разумным, чтобы только начать наслаждаться жизнью, нужно так много, рядом с ними мне вечно хочется извиниться, поскольку я способна предложить им лишь то, что сама люблю, – извиниться и устыдиться того, что меня так легко убажить.

---

⁸ Намек на строки из поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай»: «Так справедливость вместе с милосердьем Да будут вечной славою Моей». Перевод Николая Холодковского.

⁹ Hirschwald (нем.) – Олений лес.

На днях мы были приглашены на ужин в ближайшем городке (добирались несколько часов), и после ужина дамы принялись расспрашивать меня, как мне удалось пережить зиму, когда снегопады длились неделями и я была отрезана от внешнего мира.

– Ах, эти мужья! – вздохнула полная дама, горестно покачивая головой. – Запирают жен в четырех стенах – это так для них удобно, и совершенно не думают о том, как те страдают.

И другие дамы тоже принялись вздыхать и качать головами, поскольку пухлая дама имела большой вес в обществе, а одна из дам принялась рассказывать о том, как некий ужасный муж увез молодую жену в деревню и держал там, в самой жестокой манере утаивая ее красоту и достоинства от людей, и как проведя несколько лет то в слезах, то в воспроизведении потомства, она совсем недавно сбежала с кем-то непотребным – то ли с лакеем, то ли с пекарем, в общем, с кем-то таким.

– Но я совершенно счастлива... – начала я, когда представился случай вставить слово.

– Какая примерная женушка, так и надо себя вести, – и дама с весом в обществе одобрительно похлопала меня по руке, продолжая, впрочем, горестно покачивать головой.

– Вы не можете быть счастливы зимой, в одиночестве! – объявила другая дама, супруга военного чина: она не привыкла к тому, чтобы ей возражали.

– Могу.

– Как, в ваши-то годы? Нет, не можете!

– Но я *могу*!

– Вашему супругу следует на зиму перевозить вас в город.

– Но я не хочу, чтобы меня перевозили в город!

– И не позволяйте хоронить себя заживо в лучшие годы!

– Но мне нравится, когда меня хоронят!

– Такое одиночество – это неправильно.

– Но я совсем не чувствую себя одинокой.

– И ни к чему хорошему не приведет! – она начала сердиться.

Последнее ее заявление сопровождалась дружным «Вот именно!» и новыми покачиваниями.

– Но я очень люблю зиму, – настаивала я, когда они немного поутихли. – Я каталась на санках, на коньках, со мной были дети, к тому же у нас много... – я хотела сказать «книг», но сдержалась. Чтение – мужское занятие, для женщин это считается непростительной тратой времени. И разве могла я им передать словами то счастье, которое охватывает меня при виде сверкающего на солнце снега, или восторг, который вызывают морозные дни?

– Мы переехали туда только потому, что этого хотелось мне, – продолжала я, – а муж согласился, лишь бы меня порадовать.

– Какая примерная женушка, – повторила дама, имеющая вес, и снова похлопала меня по руке с понимающим видом. – Действительно примерная женушка! Но не потакайте мужу всегда и во всем, дорогая моя, послушайте моего совета и потребуйте, чтобы он на следующую зиму перевез вас в город.

После чего они перешли к обсуждению кухарок, полностью удовлетворенные разговорами о моей тяжелой доле, которая в данный момент поджидала в холле в виде господина с моей накидкой в руках – вообще-то, медные пуговицы на его мундире выглядели вполне безобидно.

Я смеялась всю дорогу домой, а потом, когда мы достигли сада и ехали между молчаливыми деревьями к чудесному старому дому, смеялась уже от радости, а когда вошла в библиотеку, все четыре окна которой были распахнуты навстречу лунному свету и ароматам, посмотрела на знакомые книжные полки в библиотеке, в которой не было слышно никаких других звуков, кроме мирных, и осознала, что здесь я могу читать, или мечтать, или бездельничать так, как хочется, и никто не может мне помешать, я возблагодарила Судьбу за то, что она привела меня сюда и дала мне смелость понять собственное счастье и спастись от существования,

свидетельницей которого я только что была, – существования среди запахов чужих ужинов, шума, производимого чужими слугами, развлечениями в виде званых обедов и бессмысленной болтовни.

Однако должна признаться, что расстроилась, когда некая влиятельная персона, пролорнировав во всех подробностях мой дом и заняв безопасную позицию возле раскрытого окна, хладнокровно раскритиковала все, чем я гордилась, и завершила свое выступление выражением сочувствия моему одиночеству, а когда я попыталась возразить, что, мол, одиночество мне по вкусу, буркнула, что я весьма *anspruchslos*¹⁰. И тогда я действительно устыдилась скромности моих желаний, но лишь на мгновение, да и то под уничижительным взглядом через лорнет, хотя, в конечном счете, взгляды обладательницы лорнета мало чем отличаются от взглядов моих служанок – девушек, чьи представления о счастье заключаются в том, чтобы жить в городе с себе подобными и воскресными вечерами пить с ними пиво и плясать. Страсть непременно быть с кем-то, страх остаться хоть на несколько часов наедине с собой – мне это совершенно непонятно. Я способна неделями развлекать себя самостоятельно, вряд ли даже думая о том, что я одна – о нет, мне так спокойно и хорошо. Это не значит, что мне не нравится, когда рядом со мной находятся люди – по несколько дней или даже недель, но при условии, что они столь же *anspruchslos*, как и я, и предпочитают простые радости – у тех, кому здесь хорошо, есть что-то внутри, но если же они пусты, если у них пустая голова и душа, им здесь будет скучно. Я бы рада была, если б в доме моем толпились люди, но только для этого надо найти людей, способных самостоятельно занять себя. Я бы приветствовала – и провожала их – с одинаковой сердечностью, потому что, как бы неловко мне ни было в этом признаваться, мне нравится, когда они приезжают и – в равной степени – когда они уезжают.

В особенно божественные дни, такие, как сегодня, мне на самом деле хочется поделиться с кем-то этой красотой. Ночью прошел дождь, и кажется, что сад поет: поют не только неутомимые птицы, но сами растения, счастливая трава и деревья, кусты сирени – о, эта сирень! Сегодня все кусты уже в полном цвету, и сад купается в аромате. Я охапками тащу ее в дом – как же мне нравится ее срывать! – и все вазы, горшки, миски, тазики полны лиловыми гроздьями, слуги думают, что у нас будет вечеринка, и двигаются особенно сноровисто, а я блуждаю по комнатам, наслаждаясь этой красотой, окна открыты, чтобы ароматы сада смешивались с ароматами в доме; наконец до слуг доходит, что никакого приема не предвидится, и они недоумевают, с какой стати эта женщина устала цветами дом только ради себя самой, а потому мне все острее хочется иметь рядом с собой родственную душу – я кажусь себе такой скупердяйкой из-за того, что наслаждаюсь этой красотой сама, но родственные души – это такая редкость, с таким же успехом я могла бы просить звезду с неба. Да, мой сад полон друзей, только все они молчаливы.

---

¹⁰ *Anspruchslos* (нем.) – невзыкательна.

3 ИЮНЯ

Это такой отдаленный уголок мира; чтобы добраться сюда, требуется энергия незаурядная, поэтому я избавлена от случайных посетителей, а люди, которых я люблю, или люди, которые любят меня, – что по большей части одно и то же, – не смущаются тем, что им приходится путешествовать сначала поездом, потом на лошадях. Одно из многих преимуществ моего бытия – то, что у нас только один сосед. Если уж суждено иметь соседей, то одна из милостей – их малое количество, ибо как, скажите, можно жить своей жизнью, читать, мечтать с удовольствием, если в любую минуту к вам может кто-то нагрянуть, чтобы поболтать? К тому же всегда остается вероятность, что либо вы сами, либо «забежавший на огонек» ляпнет что-нибудь, что говорить не следовало, а я испытываю поистине священный ужас перед сплетнями и оговорами. Женский язык – смертельное оружие, его труднее всего сдерживать, с него с легкостью слетают самые оскорбительные вещи, и как раз в тот момент, когда лучше было бы промолчать. В таких случаях единственное спасение – невозмутимо говорить о кухарках и детях и молиться, чтобы визит не затягивался, потому что если гостя засидится – вы погибли. Я пришла к выводу, что лучшая тема – кухарки, потому что, услышав это слово, оживляются даже самые флегматичные: у всех нас имеется опыт по этой части, как счастливый, так и мучительный.

К счастью, наш сосед и его жена – люди занятые и приятные: они заняты целым выводком белобрых детюшек и делами большого поместья. Наши отношения строятся просто. Я раз в год наношу ей визит, через две недели она наносит мне ответный; они приглашают нас на ужин летом, мы приглашаем их на ужин зимой. Придерживаясь такого правила, мы избегаем опасностей близкой дружбы, которая на самом деле то же самое, что частые ссоры. Она – образец того, какой должна быть немецкая сельская леди, она не только мила, но энергична и практична, и такая комбинация, должна сказать, весьма эффективна. Она встает с рассветом, чтобы приглядеть, накормлена ли скотина, сбивается ли масло, отправляют ли на продажу молоко – пока другие еще крепко спят, она уже успевает переделать кучу дел, а когда лентяи еще только приступают к завтраку, она уже едет в запряженной пони коляске на дальние фермы, чтобы оценить работу «мамзелей» – так здесь называют старших женщин на ферме, заглянуть в каждый уголок, поднять крышки над всеми горшками, пересчитать все снесенные курами яйца и по необходимости надрать уши нерадивой молочнице. Закон позволяет нам применять к слугам «легкие телесные наказания», при этом суть понятия «легкие» определяется исключительно личным вкусом, и моя соседка, судя по тому, как она об этом говорит, с удовольствием пользуется этой привилегией. Я бы многое отдала за то, чтобы подглядеть, как эта неустрашимая маленькая леди, пылая праведным гневом, становится на цыпочки, чтобы надрать уши какой-нибудь рослой девице, достаточно мощной, чтобы попросту перекусить хозяйку.

Приготовление *высококачественных* сыра, масла и колбас требует умственных усилий и, по моему разумению, представляет собой достойную восхищения сферу деятельности, полностью зависящую от того, насколько быстр и подвижен ум того, кто ею занимается. То, что моя соседка – женщина умная, заметно сразу по тому, как блестят ее глаза, от взора которых ничто не скроется, и этот ее умный взгляд становится тем симпатичнее, что пользуется она им с благими целями. В округе она признанный авторитет по части изготовления колбас, ухода за телятами и убоя свиней, и несмотря на ее многочисленные обязанности и на то, что она каждый день долгие часы проводит вне дома, ее дети – образец здоровья и аккуратности, какими и следует быть немецким детишкам с белокурыми хвостиками, бесстрашными глазками и толстенькими ножками. Кто сказал, что такая жизнь низменна, убога и недостойна интеллектуальных усилий? Я заявляю, что по мне – это прекрасная жизнь, полная полезного труда на свежем воздухе, жизнь, в которой не остается места для бесплодного уныния и скуки,

для размышлений о том, чем бы таким еще заняться, отчего вокруг красивых женских глазок появляются морщины, а от морщин не застрахованы даже самые блистательные из женщин. Но сколько бы я ни восхищалась соседкой, не думаю, что когда-либо последую ее примеру, ибо в число моих талантов не входит способность к энергичным и, последовательным действиям: скорее, таланты эти того рода, что заставляют обладателей постыдно блуждать с томиком стихов там, где лютики цветут, и сидя на поваленном дереве возле ручейка, забывать обо всем, кроме зеленых пажитей и тихих вод да ветерка, те пажити бодрящего. И я чувствую себя совершенно ни на что не годной при мысли об ушах столь непокорных, что их приходится трепать.

Порой мое уединение нарушают гости издалека, и в таких случаях я понимаю, до какой же степени одинок каждый из нас и насколько далек от своих соседей, и пока они говорят (в основном, о детях, прошлом, настоящем и о том, что грядет), я размышляю об огромном и непреодолимом расстоянии между моей душой и душой той, что сидит рядом. Я говорю не о совершенных чужаках, а о чужаках в сравнительной степени, тех, кого причуды железнодорожного расписания вынуждают задержаться на какое-то время, и в чьем присутствии я поначалу старательно ищу общие темы для разговора, а потом, не найдя ни одной, забиваюсь в свою раковину. И с каждой минутой я все больше леденею и делаюсь все молчаливее, дети чувствуют этот морозный воздух, становятся рассеянными, глазки их стекленеют, а посетители переходят к традиционному обсуждению того, кто на кого больше похож, обычно решая вопросом заявления, что Майская детка – красавица – похожа на отца, а остальные две – более-менее обыкновенные – просто моя копия, и таковое суждение, хотя оно мне давно знакомо и я знаю, что оно непременно последует, все же расстраивает меня так, будто слышу все это впервые. Детки маленькие, безобидные, славные, и невыносимо слушать, как ими заполняют прорехи в разговоре, как разбирают по частям их черты, как отмечают и критикуются их слабые места, пока они стоят, робко улыбаясь, перед хирургом, и сами их улыбки рождают очередные комментарии о форме ротиков, но, в конце концов, это случается не так уж часто, а они представляют собою один из немногих интересов, общих с интересами других, поскольку, похоже, дети имеются у всех. Как я обнаружила, сад – далеко не такая плодотворная тема, поразительно, сколь немногие любят собственные сады, все они делают вид, что любят, но по одному тону голоса становится понятно, что привязанность эта отнюдь не горячая. В июне она бывает теплее, подкармливаемая земляникой и розами, но, поразмыслив, я поняла, что в радиусе двадцати миль я не знаю никого, кто по-настоящему любил бы свой сад или обнаружил бы зарытое в нем сокровище счастья; наверное, отыскать такого человека можно, если искать прилежно, при необходимости – с максимумом усилий. После таких, пусть нечастых, визитов я испытываю депрессию, хотя обычно ею не страдаю, а потом злюсь на себя, вежливую, что позволила чему-то столь мне чуждому испортить драгоценный час жизни. Вот оно, самое ужасное, что может случиться с сытым, одетым, согретым, с тем, чьи все разумные желания удовлетворены: при малейшей неудаче ты чувствуешь себя неловко, расстраиваешься из-за того, что тебе не удалось найти кратчайший путь к душе ближнего своего – что, по сути своей, глупо, поскольку неизвестно, имеется ли вообще у этого ближнего душа.

Расцвели вечерницы – ночные фиалки. Садовник, не иначе как в припадке вдохновения, высадил их в первом ряду двух бордюров, и я не представляю, что он чувствует сейчас, когда все остальные цветы оказались у них за спиной, однако для меня это очередной урок: никому из будущих садовников не будет позволено столь беспардонно обращаться с моими вечерницами. Они очаровательны, нежны и цветом, и ароматом, ваза с ними стоит на моем письменном столе, и этот божественный запах наполняет всю комнату. Прямой и единственный ряд – это ошибка: я-то посадила их кучками в траве, и они выглядят просто чудесно. Целый бордюр из вечерниц, голубых и белых – и чтобы ничего другого, – смотрелся бы замечательно, но я не знаю, как долго они цветут и как все это будет выглядеть, когда кончится их срок. Пола-

гаю, через пару недель я это выясню. Интересно, двигался ли когда-либо претендент на звание садовода таким же путем проб и грубых ошибок? Несомненно, сад сэкономил бы немало лет, если бы я не была вынуждена учиться исключительно на собственных ошибках, если бы я имела рядом добрую душу, подсказывающую мне, что делать. Сейчас в саду цветут только вечерницы, высаженные между розовыми кустами анютины глазки, да два сорта азалий – *Моллис* и *Понтика*. Азалии были и остаются великолепными – я высадила их этой весной, и они почти мгновенно принялись цвести, и этот укромный уголок смотрится так, будто здесь царит вечный закат. Нежнейшие оттенки оранжевого, лимонного, розового – уже по первому году их существования можно представить, какими они будут через год и в последующие годы, когда кусты разрастутся. В серые угрюмые дни они производят потрясающее впечатление. Осенью я высажу их перед елями, чтобы скрасить мрачность. Мои розы все усыпаны бутонами, которые вряд ли раскроются даже через неделю, из чего я делаю вывод, что, несмотря на все разговоры, здешний климат не располагает к тому, чтобы они цвели с начала июня и до ноября.

11 июля

Со дня Троицы не выпало ни капли дождя, что отчасти – но не полностью – объясняет, почему мои клумбы так меня разочаровали. Дело в том, что вскоре после Троицы наш садовник сошел с ума, и его пришлось отправить в лечебницу. Он взял манеру расхаживать с лопатой в одной руке и револьвером в другой, объясняя, что так ему спокойнее, мы относились к этому вполне терпимо – будучи людьми цивилизованными, мы уважаем чужие предрассудки, – пока в один прекрасный день я очень ласковым голосом не попросила его подвязать ползучее растение – поверьте, когда он обзавелся револьвером, я стала разговаривать с ним крайне ласково и даже перестала читать ему вслух, – он повернулся и, глядя мне прямо в лицо (впервые за все время его пребывания у нас), спросил: «Я, что, по-вашему, похож на графа Х (местную знаменитость) или на мартышку?» И нам не оставалось ничего, кроме как можно скорее отправить его в сумасшедший дом. Найти другого садовника мне не удалось – я и этого-то отыскала с трудом, так что из-за засухи, пренебрежения, безумия садовника и моих грубых ошибок сад пребывал в плачевном состоянии, но даже и в печали это было самое мое любимое место в мире, а ошибки лишь укрепили мою решимость.

Длинные бордюры с вечерницами выглядели чудовищно. Она отцвела и в свойственной, оказывается, ей манере превратилась в сухие палки; никакие другие растения на бордюрах цвести этим летом не намеревались. Гигантские маки, которые я высадила в апреле, либо погибли, либо оставались крохотными, то же и с водосборами, кое-где неохотно выросли дельфиниумы, вот и все. Полагаю, маки нельзя пересаживать, или, возможно, после пересадки их недостаточно поливали, во всяком случае, эти бордюры я завтра снова засею маками в надежде, что на следующий год они все-таки вырастут, ибо, нравится это макам или нет, но они у меня будут цвести, и трогать их я никому не позволю – разве только прореживать.

Что ж, горевать смысла не имеет, и я выхожу и сажусь под деревьями, смотрю на бегущие по небу облачка, на солнечные блики на дальнем пшеничном поле, и разочарование уходит, и кажется невозможным грустить, когда все кругом такое приветливое и доброе.

Сегодня воскресенье, в саду тишина, и, сидя здесь в этом тенистом уголке, наблюдая, как тени лениво ползут по траве, слушая, как бранятся на деревьях грачи, я почти жду перезвона английских колоколов, созывающих на послеполуденную службу. Но церковь находится от нас в трех милях, колоколов на ней нет, как нет и послеполуденной службы. Раз в две недели мы ходим на утреннюю молитву, она начинается в одиннадцать, наше место – что-то вроде частной ложи с комнатой позади, куда можно ретироваться незамеченными, если служба слишком длинная, а плоть наша слишком слаба, и слушаем, как за нас молится пастор в черном одеянии. Зимой в церкви ужасно холодно, она не обогревается, и мы сидим, закутанные в меха куда плотнее, чем для прогулок, но, конечно же, пастору, как бы холодно ни было, в меха кутаться не пристало, поэтому он поддевает под свое облачение множество сюртуков, и по мере того, как крепнут морозы, увеличивается в объеме. А по тому, как его фигура становится стройнее, мы можем судить о наступлении весны. Прихожане сидят себе спокойно, а пастор молится за них, а когда они поют длиннющие хоралы, он забирается в деревянную кафедру, такую маленькую, что он в нее едва втискивается. Я часто думаю о том, как ужасно было бы, если б ему в этой коробке стало плохо, и он не смог бы подать нам сигнал о том, что пора кончать петь. Уверена, мы не посмели бы остановиться, не будучи уполномочены на это Церковью. Как-то раз я спросила его, что он там делает, этот кощунственный вопрос его шокировал, и он отвечал мне весьма уклончиво.

Если б не сад, немецкое воскресенье было бы ужасным, но сад в этот день дарит истинное отдохновение и мир: никто не бежит с граблями, не метет, не копается в земле – вокруг только цветочки да шепот деревьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.